

УДК 94 (470+571)

«С КЕМ НАМ ПО ПУТИ?»: СТАВРОПОЛЬСКИЕ ТУРКМЕНЫ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКОВ) В КОНТЕКСТЕ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Айгуль Темерхановна Джумагулова

кандидат исторических наук

Пятигорский государственный университет,

Пятигорск, Российская Федерация

E-mail: aigul-men@mail.ru

А н н о т а ц и я

В публикации на материалах ставропольских туркмен показаны перипетии, которые претерпели кочевые и переходящие к оседлости туркмены Ставропольской губернии в конце XIX — первые десятилетия XX века, обусловленные всем ходом политической, экономической, социальной и национальной жизни российского государства в начале XX века.

Материалами исследования выступили отчеты, доклады, сведения, извлеченные из центральных (ГАРФ, РГАСПИ) и региональных (ГАСК) архивов. Анализ источников и материалов позволил посмотреть на перелом эпох с точки зрения традиционно утвердившихся в отечественной историографии стереотипов, но и через призму региональной истории — небольшой этнической группы ставропольских туркмен, пытавшихся в непростых политических и социально-экономических условиях отстаивать свои административные, земельно-правовые и иные права. Проанализированные в исследовании материалы дали возможность показать социальные и экономические трансформации ставропольских туркмен в конце XIX — первые десятилетия XX вв., сложный характер попыток решения земельно-правового вопроса в условиях всеобъемлющих изменений в государственном управлении страны, а также особенности реализации национального вопроса в условиях социалистического строительства в туркменской степи.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Ставропольская губерния, туркмены, ногайцы, калмыки, кочевники, революция 1917 г., Гражданская война, Горская республика, Вооружённые силы Юга России, установление советской власти.

UDC 94 (470+571)

«WHO ARE WE ON THE SAME PATH WITH?»: STAVROPOL TURKMENS AT THE TURN OF THE ERAS (LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES) IN THE CONTEXT OF NATURAL AND CLIMATIC FACTORS

Aigul T. Dzhumagulova

Candidate of Historical Sciences

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russian Federation

E-mail: aigul-men@mail.ru

Abstract

The publication, based on the materials of the Stavropol Turkmens, shows the vicissitudes that the nomadic and sedentary Turkmens of the Stavropol province underwent in the late 19th and early decades of the 20th century, due to the entire course of the political, economic, social and national life of the Russian state at the beginning of the 20th century.

The main source base was the materials extracted from the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) and the State Archive of the Stavropol Territory (GASK). The analysis of sources and materials made it possible to look at the turning of the epochs not only through the changes traditionally established in the national historiography, but also through the prism of regional history — a small ethnic group of Stavropol Turkmens, who tried to defend their administrative, land, legal and other rights in difficult political and socio-economic conditions.

The analysis of the presented materials allowed to show the peculiarities of social and economic transformations of the Stavropol Turkmens in the late XIX — first decades of the XX centuries, attempts to solve the land-legal issue in the conditions of comprehensive changes in the state administration of the country, as well as the peculiarities of the national issue in the conditions of socialist construction in the steppe.

Key words

Stavropol Province, Turkmens, Nogais, Kalmyks, nomads, 1917 Revolution, Civil War, Gorskaya Republic, Armed Forces of Southern Russia, establishment of Soviet power.

ВВЕДЕНИЕ

Публикация посвящена истории ставропольских туркмен в конце XIX — первой четверти XX в. Рассматриваемый период вместил в себя так называемый переломный этап в жизни и быте кочевых народов Юга России, перипетии революционного и военного времени, вызвавшие к жизни волну земельно-правовых и аграрный противоречий, а также попытки решения административных вопросов в степи. На базе широкого круга источников представлен спектр основных социально-экономических и демографических процессов в туркменской степи, даны их количественные и качественные характеристики, рассмотрены особенности правового положения и отношения ставропольских туркмен к происходящим стремительным изменениям в окружающем мире.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниковой базой публикации выступают архивные сведения, извлеченные из: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) — Ф. 5446 Оп. 8 Д. 856 «Об освобождении в течении пяти лет от обложения сельскохозяйственным налогом и от обязательного окладного страхования населения Туркменского района Ставропольского округа Северо-Кавказского края»; Ф. Р-5677 Оп. 6. Д. 345 «Дело по вопросу о выделении Туркменского района Ставропольского округа в автономную административную единицу»; Ф. Р-1318 Оп. 74 Д. 100 «Переписка представительства Дагестанской АССР с Наркомнацем о созыве Чрезвычайного съезда представителей караногайского, ногойского и туркменского народов о присоединении к Дагестану»; Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) — Ф.17. Оп. 13. Д. 989 «Отчеты, доклады, сведения, планы Ставропольского губкома РКП(б)»; Ф. 17. Оп. 16. Д. 977 «Доклады, информационные сводки, резолюции и планы работы Ставропольского окружкома ВКП (б)»; Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) — Ф. 249. Оп. 2. Д. 2511 «Дело с отчетами о состоянии Трухменского, Ачикулакского приставств за 1910 год»; Оп. 3. Д. 1508 «О трухмянцах и вообще о кочующих магометанских народах и их повинностях».

Статья построена на основе практического применения исторического и сравнительно-исторического методов, позволившие рассматривать и сравнивать явления, развивающиеся «по горизонтали» и «по вертикали»: «Историк может сравнивать процессы в различных... средах (горизонтальный разрез) и сравнивать события близкого и более отдаленного прошлого (вертикальный разрез)» (Какх, 1969: 15).

Анализ представленных материалов позволил показать особенности социальных и экономических трансформаций ставропольских туркмен в конце XIX — первые десятилетия XX вв., попыток решения земельно-правового вопроса в условиях смены государственного строя и всеобъемлющих изменений в государственном управлении страны, а также разрешение национального вопроса в условиях социалистического строительства в степи.

ОБСУЖДЕНИЕ

Отечественная историография по истории туркменского народа начала XX в. весьма разнообразна. Именно с этого времени российские ученые и путешественники стали заниматься изучением ставропольских туркмен более углубленно. Обобщающий характер носит книга А. А. Володина, который несколько лет служил в центре Туркменского приставства и изучал быт и культуру тухмен (1908). В четырехтомном издании И. Л. Щеглова содержатся обширные статистические материалы по обследованию хозяйственной жизни и экономического положения туркмен (1910–1911). С. В. Фарфоровский затронул в своих работах историю переселения и формирования группы ставропольских туркмен, проанализировал их обычное право и охарактеризовал социально-культурное развитие этой кочевой группы населения (1910: 1–23; 1911). Побывавший среди ставропольских туркмен А. Н. Самойлович изучал особенности их бытовой культуры, оставил ценные этнографические сведения (1913: 52–74; 1926). Важные сведения о социально-экономическом положении туркмен в начале XX в. имеются в работах Г. Н. Прозрителева (2011).

В первой половине XX в. вышли работы, посвященные историко-этнографическим аспектам жизни ставропольских туркмен, вопросам произошедшего резкого сокращения их численности в годы Первой мировой и Гражданской войн, основной причиной которого стали естественные потери среди населения этой группы, а также кризис скотоводческого хозяйства. Это, в частности: очерк М. Тумаилова (1925), статьи А. И. Ярхо (1931), где детально проанализированы причины заметного сокращения численности ставропольских туркмен в 1920-е гг. Некоторые аспекты их жизни и быта освещены в работах Н. В. Василенко (1980) и В. Н. Ратушняка (1980).

В 1995 г. вышла в свет работа А. В. Курбанова, обобщившего имеющуюся по теме литературу, архивные и музейные материалы. Автор подробно описал историю туркмен в составе Российского государства, родоплеменной состав, проанализировал изменение их численности и расселение в различные периоды, исследовал проблемы культурных заимствований с окружающими народами, охарактеризовал традиционную культуру и современные новации данной группы (1995).

Значительный вклад в отечественную историографию об истории и культуре туркмен России сделан О. И. Брусиной. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции в состав Российского государства, изученные и описанные Ольгой Ильиничной, нашли отражение в ее многочисленных публикациях. Труды О. И. Брусиной охватывают значительный исторический период и основаны на архивных источниках, полевых и статистических материалах. В своих работах автор показал влияние на этническое развитие туркмен основных исторических факторов, таких как менявшаяся на протяжении трех столетий государственная социально-экономическая и национальная политика. Ею прослежены взаимные контакты ставропольских туркмен с окружающими народами и с этническим ядром — туркменами Туркменистана, сделана попытка исследовать воздействие на этнос процессов модернизаций, а также глобализации и рыночных отношений в современный период (2016). Автором издана целая серия работ,

посвященных различным аспектам исторического, социального, этнокультурного развития российских туркмен и их антропологическим характеристикам (Брусина, 2007; 2008; 2012; 2014; 2016; 2016а; 2019; 2023).

Некоторые вопросы административно-политического и социально-экономического развития ставропольских туркмен в рассматриваемый исторический период освещены в работах современных региональных исследователей (Бадмаева, 2024; Вачагаев, 2018; Лиджиева, 2023; Лямин, 2004; Невская, 2013, 2014, 2016; Очиров, 2009; Шургучинов, 2024 и др.).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ставропольские туркмены — выходцы с Мангышлака и прилегающих к нему степных районов. Перемещение туркменских обществ в южнорусские степи связано с продвижением на запад калмыков и теснимых ими ногайцев в XVII в. (Бентковский 1869: 185). С XVIII в. туркмены были переданы царским правительством «под покровительство» калмыцких ханов. В Прошении приставу П. В. Балуюеву от всего «трухменского народа» Ставропольского края в 1823 г. описывается история переселения туркмен, их преданное служение России на протяжении всего периода, особо подчеркивается полная лояльность в отношении государства, которое приняло их дедов и прадедов, дало возможность жить и вести хозяйство на своих просторах (Брусина, 2016: 14).

В 1825 г. в Ставропольской губернии было учреждено Туркменское приставство. Пристав с двумя помощниками располагались в Летней или Зимней ставках, им подчинялись выборные из среды туркменских обществ: голова, аульные старшины, аксакалы. Кочевое скотоводство являлось главным занятием туркмен и единственным средством их существования. По данным гражданского губернатора, в первой четверти XIX в. туркменское население составляло 3 344 чел., владевшее 36 000 гол. лошадей, 36 000 гол. крупного рогатого скота, 202 тыс. гол. овец и 5 300 гол. верблюдов.

Пик численности российских туркмен был зафиксирован документами в 1880 – 1890-е гг. — 20 тыс. чел., которые владели 129 тыс. скота (8 тыс. лошадей, 13 тыс. крупного рогатого скота, 97 тыс. овец, 6 тыс. коз и 5 тыс. прочего скота) (Бентковский, 1879: 28). В последующем численность этноса постепенно в силу ряда причин снизилась и в начале XX в. колебалась в районе 15 тыс.: в 1896 г. она составляла 14 889, 1907 г. — 15 356 чел. (Курбанов, 1995: 66–67).

Российским правительством проводились попытки приобщения номадов к оседлому образу жизни. Во второй половине XIX в. власти стали организовывать для них оседлые поселения. В стационарных аулах возводили мечети в глинобитных, или реже в деревянных помещениях, иногда даже в юртах (Лиджиева, 2023). При мечетях были организованы мектебы, где велось двухгодичное обучение детей. Однако оседали в основном только туркмены, потерявшие ввиду различных факторов (эпизоотии, засухи, бураны и т.п.) весь свой скот. Однако при первой возможности они пытались возобновить занятие кочевым животноводством (Брусина, 2016: 18-19; Ярхо 1931: 256; Тумаилов 1925: 5–6; Сыздыкова, 2018: 99–100).

Статистические данные о результатах седентеризации туркмен в начале XX в. несколько расходятся. По С. В. Фарфоровскому, в 1906 г. осевших, т.е. принявших душевой надел, туркмен насчитывалось около 6 641 мужчины, а кочевавших — 2 748 чел. обоего пола, то есть осело 70%, кочевали — 30% (Фарфоровский 2011: 250, 255). У туркмен-кочевников на 1907 г., согласно материалам И. Т. Щеглова, насчитывалось 98 аулов, или 715 кибиток с населением 3731 души, а осевших — 11 382 (Щеглов 1910: 181, 203) — всего 15 113 чел. А по отчетам Туркменского приставства за 1910 г., кочевало 4 046 чел. (из них човдур — 1 373, игдыр — 774, союнаджи — 948), а осело в 15 аулах 13 405 чел., то есть всего населения (всех народностей) в Туркменском приставе насчитывалось 17 451 чел. (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2511. Л. 76–77).

Туркменские кочевые общества крайне неохотно относились к трансформации традиционной жизни и быта. Современники обращают внимание, что первые оседлые «туркменские» аулы были заселены казанскими татарами, а также отдельными русскими семьями под видом туркмен и с их согласия. Следует отметить, что официальная версия, согласно которой первые оседлые аулы появились еще в начале 1860-х гг., умалчивает, что они были туркменскими лишь на бумаге (Щеглов, 1910: 194; Прозрителев, 2011: 581, Бруси́на, 2016а: 469-470; Шургучинов, 2024).

В этот период обострились проблемы, связанные с сокращением пастбищных земель. Как известно, туркменские степи стали активно осваиваться со второй половины XIX в. русскими крестьянами, получавшими земли от губернского правления из пастбищного фонда номадов. В условиях сокращения поголовья скота туркмены, вынужденно переходившие в стационарные жилища, тем не менее, не становились земледельцами, хотя для них была установлена норма землевладения в 30-40 десятин на мужчину, для нужд отгонного животноводства. Среди принявших надел туркмен стала распространяться практика сдачи земель в аренду русским крестьянам. Деньги, выручаемые с аренды, выступали основным средством существования таких семей (Курбанов, 1995: 100).

Примечательно, что уровень жизни семей, перешедших к оседлому типу хозяйства, был крайне низкий, они испытывали демографический кризис, в то время как у кочевых групп наблюдался прирост численности. У непривычных к оседлому образу жизни кочевых обществ отмечали антисанитарное состояние жилищ, резкое понижение качества пищи, распространение инфекций (Ярхо, 1931: 256; Тумаилов, 1925: 5—6). Таким образом, процессы модернизации в хозяйственно-культурной деятельности кочевых обществ привели к частичной трансформации традиционного образа жизни, сопровождавшейся явлениями фрустрации, болезнями и ростом смертности (Прозрителев, 2011: 583; Бруси́на, 2016: 14—16; Кольцов, Шургучинов, 2023: 28—30).

В конце XIX — начале XX в. товарный характер приобрели некоторые домашние промыслы туркмен. На рынки степняки стали вывозить шерсть и изделия из нее: ковры, войлоки и др.; спросом пользовалась и мясомолочная продукция. В Туркменском приставстве в мае и августе устраивались ежегодные ярмарки, раз в неделю в Летней Ставке был базар. К примеру, 25 мая 1911 г. на Летней Туркменской ставке состоялась трехдневная выставка животноводства. В ее программу были включены коневодство и овцеводство. Большое значение для развития животноводства в

регионе имели губернские выставки, здесь можно отметить 1-ю Ставрополь-Кавказскую губернскую выставку животноводства и сельской промышленности, Ставропольскую губернскую выставку животноводства сельского хозяйства и др. В среде номадов постепенно усиливалась социальная стратификация (Курбанов, 1995: 108—109; Лиджиева, 2023). Туркменская знать, ведущая в целом традиционный образ жизни, стала в авангарде модерна, демонстрировала органическое совмещение капиталистического характера хозяйства и традиционной социальной организации (Брусина, 2014).

С победой Февральской революции в Ставропольской губернии начался процесс строительства «новой власти». В провинции революция не привела к резким изменениям в социально-экономической сфере, тем не менее губернатор был заменен на комиссара Временного правительства. В качестве новых органов власти в Ставрополе 6 марта 1917 г. был избран Комитет общественной безопасности (далее КОБ), создававшийся позже по всей губернии (Головенченко, Емельянов, 1928).

В Туркменском приставстве в 1917 г. изменения общественно-политического характера происходили при активном участии пристава, привезшего в первой половине марта вести из Ставрополя о революционном перевороте. По словам современников, он «сорвал с себя погоны и предложил избрать Комитет Общественной безопасности», — вскоре — «касса и дела пристава поступили в распоряжение Комитета» (1917 год, 1927: 26-27). Местные общества разделились на две враждующие группировки: первую составляли туркмены, вторую — татары, русские, молокане и арендаторы — овцеводы. «Комиссар Туркмении», избранный изначально из числа второй группировки, был быстро смещен туркменской знатью, переизбравшей комиссара из своей среды. Постановлением Временного правительства (1 июля 1917 г.) управление пристава туркменского народа было упразднено, и вместо приставства был создан Туркменский уезд в тех же границах (Невская, 2016: 37).

В марте 1917 г. региональные власти вынесли решение об изъятии земель у ногайцев и туркмен, кочевья передавались им лишь во временное пользование. Изъятию также подверглись и деньги, принадлежавшие инородческому магометанскому капиталу. Это вызвало крайнее недовольство местного инородческого населения. Съезд ногайского и туркменского народов опротестовал подобное решение губернского комиссара, и их делегаты отправились в Петроград: «дабы отстоять свои интересы и права» (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 28).

В степи, в местах проживания ногайцев и туркмен, довольно тяжело происходила организация земельных комитетов, которые должны были решить сложный узел основных аграрных противоречий. Постановление Временного правительства об учреждении земельных комитетов от 21 апреля 1917 г. не учло особенностей устройства кочевых и переходящих к оседлости народов, проживавших на окраинах страны. В последующем было признано необходимым издание особого положения о землеустройстве инородческих территорий, однако к сентябрю 1917 г. оно так и не было принято (Артемов, 1998: 23; Невская, 2012).

Одним из проблемных узлов в аграрных перипетиях на Ставрополье стали земли номадов. Права на законное владение землей — титульное владение — в степи предъявили местные туркмены. Помимо них, на основе фактического владения землей — беститульное владение, за право владения землей выступили местные

арендаторы, так как часть из них в течение нескольких десятилетий проживала в поселках Башанта, Князе-Михайловский, Летняя Ставка и др. Третьей стороной в претендентском споре являлись крупные овцеводы и коневоды, так называемые «тавричане». Они брали земли большими массивами в аренду, часть использовали сами, часть из них сдавали в субаренду (Невская, 2016: 41).

Столкновение интересов этих групп населения в земельном вопросе было весьма беспокойным и определенным образом расшатывало общество. При этом следует отметить, что региональные власти относились к нуждам крестьян и крупных скотоводов особенно внимательно и пристрастно. В этой напряженной обстановке ставропольские инородцы в борьбе с насильственным захватом земель, производимым с одобрения губернского начальства, направились на Владикавказский съезд горских народов Северного Кавказа, состоявшийся в мае 1917 г. Инородческие делегаты, выступая на съезде, отмечали: «У туркмен и ногайцев земельные наделы без права собственности. Временное правительство хочет забрать у нас и эту долю. Кроме того, наш вклад 1,5 миллиона серебром передан министру сельского хозяйства. Но вот комиссар Старличанов похитил эти деньги. Мы были бы не против этих мер, если бы и с другими народами так поступали...» (Материалы съездов, 2014: 70–71). Выражая и поддерживая их мнение, Съезд горцев Северного Кавказа постановил, чтобы все земли, населенные ногайцами и туркменами, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, были признаны неотъемлемой собственностью перечисленных племен (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 28).

Первый съезд горцев ввел в состав всех образуемых ими органов ногайцев и туркмен. Представители кочевых обществ на I съезде также участвовали в принятии первой Конституции Союза объединенных Горцев (7 мая 1917 г.) (Союз объединенных, 1994: 30). Во второй статье Конституции, принятой на I съезде, отмечалось: «Органами, объединяющими горцев, ногайцев и туркмен являются: 1) съезд делегатов и 2) ЦК объединенных горцев» (Материалы съездов, 2014: 13). Одной из своих задач Союз также ставил проведение реформ местного самоуправления, в будущем — установление в стране федеративного строя, где органы национального самоуправления будут иметь широкие права, реализовывать социальные и культурные интересы национальных меньшинств. На съезде были проведены выборы Центрального комитета и Духовного совета. В состав Центрального комитета от туркменского и ногайского народов вошел Менги-Булат Муслимов из Ачикулака, а кандидатом в члены ЦК стали Эреджеб-Али Низаркиев и туркмен Омар-Эфенди Кенжемуратов. Духовный совет инородцев Ставрополя возглавил Тангатаров Абдузалик (Союз объединенных..., 1994: 24). Однако для успешного функционирования этих институтов необходимы были конкретные практические действия, алгоритм которых Съезд не прописал. Несмотря на то, что Временное правительство поддержало туркмен и ногайцев в вопросе землевладения, отметив, что аграрный вопрос должен быть разрешен только после созыва Учредительного собрания, конфликт между губернскими властями и представителями кочевых обществ быстро нарастал. С жалобами на работу губернского комиссара стали обращаться также и калмыки Большедербетовского улуса. Кочевые народы просили помочь передать образованному коллегиальному органу все дела, деньги и имущество Ставропольского инородческого управления (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 41).

Конфликт между местными крестьянскими селениями и кочевыми обществами на фоне попыток решения аграрных вопросов региональными властями привели к обострению противоречий между центральной и губернской властью, т.к. Временное правительство продолжало оказывать поддержку местным кочевым обществам. Туркмены параллельно участвовали в выборах членов Продовольственных комитетов на Ставрополье, которые занимались учетом, заготовкой и распределением хлеба и других продуктов. Трудности с продовольствием не помешали туркменам собирать деньги для поддержки Временного правительства и армии.

8 сентября 1917 г. Ставропольский губернский земельный комитет рассмотрел вопрос об организации земельных комитетов в степи, в результате чего была выработана «Временная инструкция земельным комитетом на территории инородческих земель». Инструкция была утверждена губернским комиссаром уже 15 сентября. Согласно инструкции на инородческих землях образовывались три земельных комитета:

- 1) на территории земель калмыцких — Большедербетовский в Башанте;
- 2) на Туркменской территории — Летнеставочный в Летней Ставке;
- 3) на территории земель ногайских — Ачикулакский в Ачикулаке.

Означенные земельные комитеты должны были исполнять обязанности волостных комитетов, но по своей организации приравнивались к уездным земельным комитетам. Временную инструкцию отрицательно восприняли не только кочевые народы, но и местные крестьяне. В итоге инструкция губземкома была обречена на неудачу (Лямин, 2004: 69).

На заседании II Съезда горских народов, ногайцев и туркмен 23 сентября 1917 г. повторно был поднят вопрос о необходимости защиты прав кочевых обществ. Делегаты в своих выступлениях отмечали, что подвергаются грабежу со стороны продовольственной управы, т.к. практически весь поставляемый ею скот она брала у ногайцев и туркмен, при этом ничего не предоставляла им взамен. Одновременно земли ногайцев и туркмен подвергались беспрепятственным захватам со стороны поселян. Было предложено объединить ставропольских ногайцев (ачикулакских) и туркмен в Терскую область с тем, что они совместно с караногайцами составили отдельный округ в составе Горской республики (Союз объединенных, 1994: 140-141). Было закреплено после победы советской власти в Петрограде в октябре 1917 г. и участие туркмен и ногайцев в парламенте Горской республики — Союзном совете. В постановлении о созыве Временного совета от 11 декабря 1917 г. указывалось на представительство в нем инородческих народов: «Создать особый временный союз Совет из представителей окружных или народных комитетов, или советов по следующей схеме: чеченцев — 5, осетин и кабардинцев — по 3, ногайцев и туркмен, кумыков, балкарцев и ингушей — по 2, а всего по Терской области и Ставропольской — 19, столько же и от Дагестанской области» (Вачагаев, 2018: 85-86).

В ходе казачье-горской конференции (сентябрь-октябрь 1917 г.) родовая знать туркмен, как и других северокавказских кочевников — калмыков и ногайцев, также выразила желание вступить в Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Председателем Союза был выбран атаман Войска Донского генерал А.М. Каледин, Объединённое правительство, сформированное 29 ноября 1917 года, возглавил кадет В.А. Харламов. Руководство Юго-Восточного союза считало, что Россия должна стать после Учредительного собрания демократической

федеративной республикой. Юго-Восточный союз заявлял о гарантиях своим членам независимого устройства их внутренней жизни, рассматривая их как будущие самостоятельные штаты Российской Демократической Федеративной республики. Претворение в жизнь данного проекта было остановлено из-за наступления октябрьских революционных событий (Невская, 2016: 43–44).

Горская республика, провозгласившая в мае 1918 г. независимость от России, по замыслу ее руководства, распространяла свою власть на всю территорию Дагестанской области, на шесть горских округов и караногайский участок Терской области, а также на территории ногайцев и туркмен Ставрополья. Территориальный вопрос номадов, по словам М. Вачагаева, решился совместно северокавказцами и генералом А. Деникиным «в период оккупации Белой армии территории Горской республики в 1919 г.» (Вачагаев, 2018: 87). В частности, речь шла о включении этих земель в состав общевоинского казачьего фонда (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л.11).

Таким образом, туркмены и ногайцы принимали активное участие в различных властных структурах, пытаясь достойно представлять и защищать свои интересы на фоне развала Российской империи. Тем не менее, неправильно считать, что среди кочевых обществ в рассматриваемый период не было лиц, поддерживавших идеи большевиков, хотя назвать их опорой советской власти в регионе также было бы некорректно.

Победу революции 25 октября закрепил II Всероссийский съезд советов, принявший декреты о Мире, о Земле и сформировавший Советское правительство. Особое значение для Северного Кавказа имела принятая 2 ноября «Декларация прав народов России», которая провозглашала равенство и суверенность народов, отмену национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп. К концу 1917 г. обстановка в Ставропольской губернии изменилась. В ночь с 31 декабря на 1 января 1918 г. большевики, опираясь в основном на солдатские массы, провозгласили советскую власть на Ставрополье (Невская, 2016: 43–44). Победа большевиков и их аграрная политика на Юге России в 1917 г. представлялась лишь гипотетической, в 1918 г., казалось, не имела шансов, но в 1919 г. они стали реальной политической силой, победившей в 1920 г.

«С кем нам по пути?», — вопрос заголовочной части первой полосы губернской газеты «Ставропольский инородец», выпуска от 1 мая 1918 г. ярко иллюстрирует те сложные исторические перипетии, в которых оказались туркмены, ногайцы и калмыки Ставрополья на переломе эпох. «Угроза бытию инородцев», как центральная тема рубрики, освещалась интеллигентными представителями малых народов (Ставропольский инородец, №9, 1918: 1–2).

С началом Гражданской войны Юг России оказался вовлечен в водоворот революционных событий. Лидеры белогвардейских вооруженных сил (далее ВСЮР) стремились привлечь на свою сторону национальные меньшинства, предоставляя им право создания национальных военных формирований с целью «очищения от большевиков Северного Кавказа» (Каширина, 2006: 33). Добровольческая армия контрреволюционных сил включила в свои ряды подразделения из числа кочевых народов Юга России. Из числа ставропольских туркмен, ногайцев и Большедербетовских калмыков был сформирован Инородческий полк. Туркмены и ногайцы, несмотря на малочисленность, были включены в состав 4-й дивизии и принимали

участие в боях на ставропольском направлении. К началу декабря 1918 г, когда в полку осталась 41 сабля, дивизию передали в распоряжение Ставропольского военного губернатора генерал-майора П. В. Глазенана, который использовал ее для несения охраны правопорядка. К началу 1919 г. в Иногородском полку, по данным У.Б. Очинова, числилось 120 конников и 300 пехотинцев с 4 пулеметами, однако к весне численность этой части снова сократилась до 70 сабель (Очинов, 2009: 38).

Отметим, что случаи перехода национальных меньшинств на сторону белых имели место в основном в первый год войны и, как правило, были спровоцированы красным террором или перегибами в политике Советов на местах. В то же время действия белых с их репрессиями отнюдь не улучшили положение дел. Дагестанский большевик М. Кундухов по этому поводу писал: «Население ждет истинного порядка и культуры... Большевизм становится чуть ли не религией бедняков» (Кадишев, 1960). Неудивительно, что в 1919 г. национальные меньшинства в большинстве своем отказались от поддержки белогвардейцев, а национальные соединения в скором времени распались из-за недостатка пополнений (Очинов, 2009: 39).

Как представляется, установлению в последующем советской власти в регионе способствовала не столько политика большевиков, а общая тенденция поражения Белой армии в годы Гражданской войны по всей стране. Союз горцев и кочевников Северного Кавказа оказался неспособным организовать власть на местах и ее распад, причины поражения были заложены в несовершенной структуре управления так и не доведенного в конечном итоге до конца. В 1920 г. Туркменский уезд был преобразован в Туркменский район с центром в с. Летняя Ставка, подчинявшийся Благодарненскому уезду. Советское правительство стало предпринимать меры по оказанию материальной, медицинской и организационной помощи туркменам (Брусина, 2016: 24).

Отношение местных жителей к советской власти на начальных этапах было лояльным, однако с течением времени оно изменилось. Из докладной записки «О положении дел у национальных меньшинств» из-за недостаточной налаженности советского аппарата, который был «чрезвычайно слаб в городе, еще слабее в губернии», следует, что кочевники все более относились к большевикам с недоверием (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л.12). Не улучшил отношение туркменских обществ к советской власти переход от продразверстки к продналогу. Часто продналог приходилось брать силой, отчего враждебное отношение местных обществ к власти только увеличивалось (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л.12). Продовольственная компания состояла в сборе шерсти, яйца, масла, что, по данным отчетов РКП (б) собрать было невозможно, т.к. туркменские общества «пришли в катастрофическое положение и терпят ужасный голод» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л.18). Из 11 647 чел. (перепись 1920 г.) голодало практически все население. За время голода пять аулов были полностью разрушены и опустошены. Население распродало все домашние вещи, даже крыши хат, и те были проданы. Кочевники, лишившись имущества, бросали свои аулы, а на освободившиеся места водворялись крестьяне. Уменьшение туркменского населения было колоссальным: из 11 647 душ умерло около 2 984 душ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 13; Тумаилов, 1925: 10-11). Голод в степи стал следствием падения скотоводческого хозяйства кочевников в годы Гражданской войны, которое выражалось в следующих цифрах:

Таблица 1

Положение хозяйства туркменских обществ в 1920-е гг. (Тумаилов, 1925: 8-9).

Годы	Крупного и мелкого скота	Посевная площадь в десятинах
1915	138 031	42 785
1916	90 262	38 075
1917	67 413	25 629
1920	26 854	18 364
1923	3 551	12 102

Годы Гражданской войны нанесли колоссальный ущерб животноводческой отрасли местных туркмен. Падение скотоводческого хозяйства выразилось в 97,6%, посевной площади — в 68,3%. Также положение в степи осложнялось разбоями бандитских партий, практиковавших разграбление туркменских хозяйств. К 1920-м гг. туркмены стали оседать, используя «полукочевую земельную норму, т.е. по 15 — 25 дес. на душу» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 59).

В 1921 г., по данным Ставропольского губернского комитета, Туркменский район занимал площадь в 796 884 десятин, подразделялся на пять волостей, в нем числилось 3 012 дворов и 14 574 жителя (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л.11). В этом же году Туркменский уездный комитет был расформирован, т.к. не имел в составе даже технического работника, который мог бы вести текущую работу. Единственный делопроизводитель «со службы убежал вследствие голода», — докладывал ответственный секретарь оргбюро Сейфединов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 13). Постепенно сформировавшаяся верхушка работников районного исполнительного комитета и бюро райкома партии вскоре была обвинена (тов. Идрисов, Шахморатов и Самедов) со стороны части жителей в службе в карательных отрядах белогвардейцев и служебных преступлениях (взяточничество, кумовство и т.п.). В ходе разбирательств было выяснено, что Идрисов действительно служил при штабе Стражи добровольцем, за службу в полиции был исключен из партии, но затем опять восстановлен. Шахмуратов также был писарем в 5-й сотне Инородческого полка, Самедов — писарем местного аула. Комиссия, разбиравшая данный сложившийся инцидент, заключила, что Идрисов, Шахморатов и Самедов службу на белогвардейцев не отрицали, в расстрелах красноармейцев не участвовали, поэтому для отстранения от партийной деятельности не видят оснований (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 57-58). Как видим, местные жители в борьбе за власть, получившую форму борьбы красных с белыми, использовали все доступные средства, тем не менее, большая часть коммунистов-туркмен в той или иной форме принимала участие в ВСЮР или их учреждениях (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 61).

Важным общественно-политическим событием стало учреждение Туркменского национального района в 1921 г., взаимоотношения в нем осложнились «склоками и разжиганием национальной розни». Во время посещения комиссией местных аулов было установлено, что вопрос стоял довольно остро: «Туркмены требуют выселения татар из аула» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л.58). Корнем этой межнациональной проблемы, как явствует из архивных материалов того времени, являлся факт того, что советскую власть в районе представляли преимущественно выходцы из

казанских татар, которые, по мнению местных обществ, установили «власть над Туркменами» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 58). Для урегулирования данного конфликта комиссией было принято решение усилить здешние партийные органы выходцами из числа туркмен, как на местах, так и в самом районе.

Для восстановления сельскохозяйственной жизни туркменского народа, улучшения его положения, было принято ряд экономическо-административных мер следующего характера:

- 1) освобождение туркмен от налогов в течение пяти лет;
- 2) ассигнование единовременной дотации в сумме 303 345 руб. золотом на восстановление сельского хозяйства и культурно-просветительных учреждений;
- 3) проведение землеустройства туркмен (ГАРФ. Ф. 5446 Оп. 8 Д. 856. Л. 2-5).

В апреле 1922 г. представители туркменского общества приняли участие в съезде Караногайского, Ногайского и Туркменского народов. В ходе съезда рассматривались наиболее важные проблемы кочевых обществ, в частности, особенности административного и социально-экономического положения номадов и пути их решения. Большую дискуссию на съезде вызвал вопрос административного устройства населения степей, в частности, на нем были предложены следующие вариации его решения:

- объединение туркмен с ачикулакскими и караногайскими ногайцами в отдельную автономную область;
- присоединение номадов к Дагестанской АССР, Горской АССР, либо Терской губернии;
- объединение бывших ставропольских инородцев (ногайцев, калмыков и туркмен) в союз турко-монгольских народов.

Представители кочевых обществ разделились во мнениях: ачикулакские ногайцы согласились войти в состав ДАССР, туркменские общества остаться в составе Ставропольской губернии.

Вторым по значимости вопросом на съезде стал вопрос размежевания земель кочевых и переходящих к оседлости ногайцев и туркмен с соседними народами (ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100. Л. 33-34). С 1922 по 1924 гг. проводилось разграничение земель переходящих к оседлости туркмен и крестьян. Однако взаимоотношения туркмен с соседними народами только осложнялись на фоне проведения землеустроительных работ. Землю большей частью туркмены продолжали сдавать в аренду соседствующим русским крестьянам, которые активно заселяли южнорусские степи и к 1924 г. составляли 42% их населения (туркмены 58%) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 59-60). Претензии оседлых поселян заключались в предложенном землеустройстве, т.к. крестьяне получали по 3–4 десятины земли на душу, а номады по 15–25 десятин (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 60). Землеустроительные вопросы обнажили острые межнациональные противоречия в районе и ухудшили взаимоотношения туркмен с татарами и русскими поселенцами. К началу 1924 г. население района составляло 9 858 человек, объединявших 11 аульных советов, из них туркмен — 5 215 человек, русских — 4055 человек, татар — 588 человек (ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 19).

17 апреля 1925 г. на районном совещании с участием представителей местных аулов и членов комиссии Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета был поставлен вопрос о выделении Туркменского района в автономную единицу.

Изучая результаты социально-экономического обследования туркмен, докладчик (председатель комиссии К.А. Курджиев) отмечал, что «из когда-то гремевшего района в настоящее время остались только развалины, из 18 тыс. туркмен осталось не более 6 тыс. чел.». К. А. Курджиев для поддержки «вымирающего» населения степей считал необходимым выделить Туркменский район в самостоятельную автономную единицу, оказать должную социальную и экономическую поддержку местному населению, при этом выход из печального положения, по его мнению, возможен лишь с переходом к оседлому хозяйству и земледелию (ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 9–10). В ходе совещания местными жителями высказывались предложения о присоединении земель, населяемых туркменами, к Дагестанской АССР, по примеру ачикулакских ногайцев; либо их переселении в район туркмен Закаспийской области; однако чаще всего в ходе прений подчеркивалась социально-экономическая необходимость выделения территорий, населяемых туркменами, в отдельную автономную единицу (ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 11).

30 мая 1925 г. на заседании Большого Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета вопрос о выделении Туркменского района был признан актуальным. Отмечалось целесообразность содействия переселению в район туркмен, проживающих в других местностях, т.е. концентрации туркменского населения в указанном районе (ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 11).

Выделение Туркменского района в качестве самостоятельной единицы стало мерой поддержки советской власти малой этнической группы, имевшей целью «восстановление его хозяйства, поднятие культурного уровня при остановлении вымирания населения и остановления дальнейшего вытеснения туркмен как слабой национальной экономической единицы более сильным русским крестьянством» (ГАРФ. Ф. Р-5677 Оп. 6. Д. 345. Л. 17-18).

Постановлением Президиума ВЦИК от 2 июня 1925 г. Туркменский район был утвержден в составе Ставропольского округа в качестве самостоятельной административной единицы. В частности, все земли переходили в распоряжение туркменских обществ, запрещалось заселение этих территорий чуждыми по быту туркменам народностями; определялся национальный состав членов районного исполнительного комитета: туркмен — 3 чел., русских — 1, татар — 1. Мерами поддержки местных обществ предусматривалось оказание помощи голодающим, поддержка переходящих к оседлому образу жизни кочевых обществ, выделение необходимой сельскохозяйственной и машинно-тракторной техники, а также ряд иных мер чрезвычайного характера для поднятия социального и экономического благосостояния туркмен Ставрополья (ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 11-18).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец XIX– первые десятилетия XX вв. занимают особое место в истории России. Это был период кардинальных трансформаций, как социально-политической системы и экономической организации, так и создания «нового» социокультурного пространства, отличного от традиционного. События, развернувшиеся в Предкавказских степях после Революции 1917 г., стали началом переходного периода для кочевых народов Юга России, изменившими все стороны их общественно-политической, социально-экономической и хозяйственно-бытовой жизни. В период ради-

кальных структурных изменений в стране в 1917 — 1920-е гг., туркмены, ногайцы и калмыки, зачастую совместными усилиями, пытались защищать свои интересы во всех властных органах. Установление советской власти в среде ставропольских туркмен стало следствием общей тенденции поражения Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, Горской республики, Белой армии. Следствием тягот Гражданской войны стало вымирание такой малой этнической группы, как ставропольские туркмены, численность которой уменьшилось практически втрое, потерявшей за революционный период до 97% своего скотоводческого хозяйства, а также возможность продолжать традиционные формы жизни и быта. Отягощало сложную ситуацию в регионе активное освоение южнорусских степей со стороны соседних поселенцев.

Модернизационные процессы советской власти были направлены на административную и экономическую поддержку туркмен, борьбу с голодом и засильем в степи крестьянства. Обретение самостоятельной административной единицы в 1925 г. обусловило большие возможности для развития туркменской экономики и национального общества. Особое сочетание различных типов хозяйственной деятельности с преобладанием кочевого и полукочевого скотоводства, слабые коммуникативные связи в условиях дисперсной зоны, иные, чем в центре, кадровые ресурсы и пр. определили применение в туркменском обществе отличных от других кочевых народов подходов к советизации, специфических методов и средств. 1920-е гг. характеризуются реформами, инициируемыми советской властью, переходом номадов от кочевого хозяйственно-культурного типа к оседлому. Признание права народов на политическое самоопределение, возможность выбора хозяйственного и культурного развития все это выдвигало требования большевиков в ряд наиболее прогрессивных национальных программ, поддержанных, в том числе, инородческим населением страны. Социокультурные преобразования в среде туркменских кочевников, проведенные властными структурами на местах, имели большое значение для Советского государства и партии большевиков.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

ACKNOWLEDGMENTS

The work was supported by the Russian Science Foundation, Project №22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX — mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Литература

1917 год в Ставропольской губернии. (1927). Ставрополь: Истпартотдел Окркома ВКП(б) и Юбилейной комиссии.

Артемов, С. Н. (1998) Решение аграрного вопроса на инородческих территориях Ставропольской губернии в 1917 г. *Проблемы межрегиональной научной конференции*. Ставрополь. 23–25.

Бадмаева, Е. Н. (2024) Советское государство и кочевые народы Юга России: социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е годы). *Научный диалог*. 13(4). 324–345.

Бентковский, И. В. (1869). Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии. *Сборник статистических сведений Ставропольской губернии*. Ставрополь. Выпуск. II. 181–216.

Бентковский, И. В. (1879). Наши кочевники и их экономическое состояние. *Ставропольские губернские ведомости*. 32. 34–35.

Брусина, О. И. (2007). Ставропольские туркмены: проблемы сохранения родного языка. *Бюллетень сети этнологического мониторинга*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 76. 83–85.

Брусина, О. И. (2008). Ставропольские туркмены. *Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции*. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 202. М. 42.

Брусина, О. И. (2012). Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен Юга России. *Диаспоры*. 1. 95–128.

Брусина, О. И. (2014). Судьба «туркменского князя» как отражение характера модернизации у ставропольских туркмен в начале XX века. *Вестник антропологии*. 2. 34–48.

Брусина, О. И. (2016). Основные этапы этнического развития туркмен Юга России. *Туркмены Юга России: исторический контекст и социокультурные трансформации*. М.: ИЭА РАН, 2016. 13–35.

Брусина, О. И. (2016а) Ставропольские туркмен. *Туркмены. Серия «Народы и культуры»* / отв. ред. Н.А. Дубова. М.: Наука. 469–491.

Брусина, О. И. (2019). *Российские туркмены. Три века этнической стойкости*. М.: ИЭА РАН

Брусина, О. И. (2023). Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX–XX вв. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2 (75). 62–71.

Василенко, Н. В. (1980). Переход к оседлости туркменского кочевого народа Ставрополя в годы строительства социализма. *История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX — начале XX вв.: (проблемы социально-экономического развития)*. Ставрополь. 15–27.

Вачагаев, М. М. (2018). *Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика: история несостоявшегося государства, 1917–1920*. М.: Центрполиграф.

Володин, А. А. (1908). Трухменская степь и трухмены. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис. 38. 1. 1–98.

Головенченко, Ф. Емельянов, Ф. (1928). *Гражданская война в Ставропольской губернии. (1918-1920 гг.): Исторический очерк*. Ставрополь: тип. «Пролетарий».

Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ).

Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК).

Кадишев, А.Б. (1960). Интервенция и гражданская война в Закавказье. М.: Воениздат. 510.

Какх, Ю. (1969). Нужна ли новая историческая наука? *Вопросы истории*. 3. 15.

Каширина, Е. И. (2006). Белогвардейские вооруженные силы Юга России. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 3. 33–35.

Кольцов, П. М., Шургучинов, Р. С. (2023). Установление границ кочевых территорий ставропольских туркмен в начале XIX в. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2 (75). 26–31.

Курбанов, А. В. (1995). *Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки*. Санкт-Петербург.

Лиджиева, И. В. (2023). «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2 (75). 11–20.

Лямин, В. В. (2004). *Аграрный вопрос в Ставропольской губернии в 1917 году*. Ставрополь: ЗАО Пресса.

Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года. (2014). Сост. А.Х. Кармов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. 168.

Невская, Т.А. (2013). Земельные отношения у туркмен Северного Кавказа в начале XX века. *Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа — V. Материалы региональной научно-практической конференции*. Пятигорск.

Невская, Т.А. (2014). Проведение аграрных реформ на туркменских землях Ставропольской губернии в начале XX в. *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Ставрополь. 147–155

Невская, Т.А. (2016). Туркмены Ставрополя в революционных событиях 1917 г. *Туркмены Юга России: исторический контекст и социокультурные трансформации*. М.: ИЭА РАН, 2016. 36–45.

Очиров, У.Б. (2009). Конные части горцев и кочевников Северо-Восточного Кавказа в белой армии (1918 — 1920 гг.). *Вестник КИГИ РАН*. 2. 35-39.

Прозрителев, Г.Н. (2011). Гибнущий парод. Туркмены и их судьба. *Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология*. Ставрополь. Т. 3. 576–585.

Ратушняк, В.Н. (1980). Социально-экономическое развитие северокавказских туркмен в конце XIX — начале XX вв. *История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX — начале XX вв.: (проблемы социально-экономического развития)*. Ставрополь. 3–14.

Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ).

Самойлович, А. Н. (1913). Среди ставропольских туркмен и ногайцев и у крымских татар. *Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях*. СПб. Серия. 2. 2. 52–74.

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.): документы и материалы. (1994). Отв. ред. А. И. Османов. Махачкала: Юпитер.

Ставропольский инородец, (1918). 9.

Сыздыкова, Ж. С. (2018). К вопросу о динамике расселения и роста численности туркмен Ставропольского края. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2. 98–101.

Тумаилов, М. (1925). *Туркмены Северо-Кавказского края: (Краткий историко- этнографический очерк)*. Полторацк (Асхабад). 34.

Фарфоровский, С. В. (1910). Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии: Этнографический очерк, 1909 года. *Труды ставропольский ученой археологической комиссии*. Ставрополь-Кавказский. 2. 1. 1–23.

Фарфоровский, С. В. (1911). *Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии*. Казань.

Шургучинов, Р. С. (2024). Положение туркмен Ставропольской губернии в XIX в. (историо-графический обзор). «*Nomadic civilization: historical research*» (*Кочевая цивилизация: исторические исследования*). 2. 82-93.

Щеглов, И.Л. (1910–1911). *Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии*. Ставрополь. Т. 1-4.

Ярхо, А. И. (1931). К вопросу о вымирании малых народностей. *Советская Азия*, Москва. 1–2. 245–262.

References

1917 god v Stavropol'skoi gubernii [1917 in Stavropol province]. (1927). Stavropol': Istpartotdel Okrkoma VKP(b) i Yubileinoi komissii. (in Russian).

- Artemov, S. N. (1998) The solution of the agrarian question in the foreign territories of Stavropol province in 1917. *Problemy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii. Stavropol'*. 23–25. (in Russian).
- Badmaeva, E. N. (2024) The Soviet state and nomadic peoples of the South of Russia: socio-political processes and natural-climatic factors (1920-1930s). *Nauchnyi dialog*. 13(4). 324–345. (in Russian).
- Bentkovskii, I.V. (1879). Our nomads and their economic condition. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*. 32. 34–35. (in Russian).
- Bentkovskii, I.V. (1869). Trukhmians, nomads in Stavropol province. *Collection of statistical data of Stavropol province. Stavropol'*. Issue II. 181–216. (in Russian).
- Brusina, O.I. (2007). Stavropol Turkmens: problems of preserving the native language. *Ethnological Monitoring Network Bulletin*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 76. 83–85. (in Russian).
- Brusina, O. I. (2008). *Stavropol Turkmens. Ethno-cultural development, social customs, processes of adaptation and integration*. Issue. 202. Moscow. 42. (in Russian).
- Brusina, O. I. (2012). Ethnic group in a multinational environment: field research among Turkmens of the South of Russia. *Diaspory*. 1. 95–128. (in Russian).
- Brusina, O.I. (2014). The fate of the 'Turkmen prince' as a reflection of the nature of modernisation among the Stavropol Turkmens in the early twentieth century. *Vestnik antropologii*. 2. 34–48. (in Russian).
- Brusina, O. I. (2016). The main stages of ethnic development of Turkmens of the South of Russia. *Turkmeny Yuga Rossii: istoricheskii kontekst i sotsiokul'turnye transformatsii*. Moscow: IEA RAN, 2016. 13–35. (in Russian).
- Brusina, O. I. (2016a) Stavropol Turkmens. *Turkmeny. Seriya «Narody i kul'tury»* / ed. by N.A. Dubova. Moscow: Nauka. 469–491. (in Russian).
- Brusina, O. I. (2019). *Russian Turkmens*. Three centuries of ethnic resilience. Moscow: IEA RAN. (in Russian).
- Brusina, O. I. (2023). Transformation of the nomadic way of life of Stavropol Turkmens in the XIX-XX centuries. *Caspian region: politics, economics, culture*. 2 (75). 62–71. (in Russian).
- Vasilenko, N.V. (1980). Transition to sedentarisation of the Turkmen nomadic people of Stavropol in the years of construction of socialism. *History of the mountain and nomadic peoples of the North Caucasus in the SIH — early 20th centuries: (problems of socio-economic development*. Stavropol' 15–27. (in Russian).
- Vachagaev, M. M. (2018). *Union of Highlanders of the North Caucasus and Gorskaya Respublika: the history of the failed state, 1917–1920*. Moscow: Tsentrpoligraf. (in Russian).
- Volodin, A.A. (1908). The Trukhmenskaya steppe and the Trukhmens. *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*. Tiflis. 38. 1. 1–98. (in Russian).
- Golovenchenko, F. Emel'yanov, F. (1928). The civil war in Stavropol province. (1918–1920): Historical sketch. Stavropol': printing house «Proletarii». 221. (in Russian).
- State Archive of the Russian Federation (GARF). (in Russian).
- State Archive of the Stavropol Territory (GASK). (in Russian).
- Kadishev, A.B. (1960). Intervention and Civil War in Transcaucasia. Moscow: Voenizdat. 510. (in Russian).
- Kakh, Yu. Is a New Historical Science Needed? *Questions of History*. 1969. No. 3. P. 15.
- Kashirina, E. I. (2006). Belogvardeiskie armed forces of the South of Russia. *Bulletin of the Adyghe State University*. 3. 33–35. (in Russian).
- Koltsov, P. M., Shurguchinov, R.S. (2023). Establishing the borders of nomadic territories of Stavropol Turkmens in the early 19th century. *Caspian region: politics, economics, culture*. 2 (75). 26–31. (in Russian).

Kurbanov, A.V. (1995). Stavropol Turkmens. *Historical and ethnographic sketches*. St Petersburg. (in Russian).

Lidzhieva, I.V. (2023). Priokhochivat to sedentarisation': imperial policy on foreign territories. *Caspian region: politics, economics, culture*. 2 (75). 11–20. (in Russian).

Lyamin, V. V. (2004). *The agrarian question in Stavropol province in 1917*. Stavropol: ZAO Pressa. (in Russian).

Materials of the 1917 congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan (2014). Sost. A.Kh. Karmov. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI. 168. (in Russian).

Nevskaya, T. A. (2012). Land relations among the Turkmens of the North Caucasus in the early twentieth century. Russian statehood in the fates of the peoples of the North Caucasus — V. *Proceedings of the regional scientific and practical conference*. Pyatigorsk. (in Russian).

Nevskaya, T. A. (2014). Carrying out agrarian reforms in the Turkmen lands of Stavropol province in the early twentieth century. *From the cultural history of the peoples of the North Caucasus*. Stavropol. 147–155. (in Russian).

Nevskaya, T. A. (2016). Turkmens of Stavropol in the revolutionary events of 1917. *Turkmenistan in the South of Russia: Historical Context and Socio-Cultural Transformations*. Moscow: IEA RAN, 2016. 36–45. (in Russian).

Ochirov, U. B. (2009). Mounted units of mountaineers and nomads of the North-Eastern Caucasus in the White Army (1918 — 1920). *Vestnik KIGI RAN*. 2. 35–39. (in Russian).

Prozritelev, G. N. (2011). Gibnushchaya parod. Turkmens and their fate. Disgraced: Russian writers discover the Caucasus. *Antologiya*. Stavropol. T. 3. 576–585. (in Russian).

Raushnyak, V. N. (1980). Socio-economic development of North Caucasian Turkmens in the late XIX — early XX centuries. *History of the mountain and nomadic peoples of the North Caucasus in the XIX — early XX centuries: (problems of socio-economic development)*. Stavropol. 3–14. (in Russian).

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). (in Russian).

Samoilovich, A. N. (1913). Among the Stavropol Turkmens and Nogais and in the Crimean Tatars. *News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological and Ethnographic Relation SPb*. 2. 2. 52–74. (in Russian).

Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917-1918), Mountain Republic (1918-1920): documents and materials. Edited by A.I. Osmanov. Makhachkala: Yupiter. (in Russian).

Stavropol Inorodets, (1918). 9. (in Russian).

Syzdykova, Zh.S. (2018). To the issue of the dynamics of settlement and population growth of Turkmens of the Stavropol Territory. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2. 98-101. (in Russian).

Tumailov, M. (1925). *Turkmens of the North Caucasian region: (Brief historical and ethnographic sketch)*. Poltoratsk (Askhabad). (in Russian).

Farforovskii, S.V. (1910). Narodno-juridical customs of Turkmens of Stavropol province: Ethnographic sketch, 1909. *Works of the Stavropol Scientific Archaeological Commission. Stavropol-Kavkazsky*. 2. 1. 1–23. (in Russian).

Farforovskii, S.V. (1911). *Trukhmeny (turkmeny) Stavropol'skoi gubernii* [Trukhmen (Turkmens) of Stavropol province]. Kazan'. 42. (in Russian).

Shurguchinov, R.S. (2024). The situation of the Turkmens of Stavropol province in the 19th century (historiographical review). *Nomadic civilization: historical research*. 2. 82–93. (in Russian).

Shcheglov, I.L. (1910–1911). Trukhmens and Nogais of Stavropol province. Stavropol. 1-4. (in Russian).

Yarkho, A.I. (1931). To the question of the extinction of small nationalities. *Sovetskaya Aziya*, Moscow. Issue. 1–2. 245–262. (in Russian).